

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-5-170-175

Земцов Б.Н.*Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана*

ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ СТЕРЕОТИПОВ ВЛАСТИ

Аннотация. Анализируя причины Первой мировой войны, историки традиционно концентрируют свое внимание на общеевропейских геополитических изменениях конца XIX – начала XX вв. Они породили глубокие противоречия между Германией и Англией, с одной стороны, и между Германией и Францией – с другой. Автор данной статьи полагает, что на присоединение России к антигерманскому франко-английскому блоку существенное влияние оказали политические стереотипы царя и правительственных кругов.

Ключевые слова: политические стереотипы, самодержавие, великодержавие, национальная ментальность, причины Первой мировой войны.

B. Zemtsov*The Bauman Moscow State Technical University*

REASONS OF WORLD WAR I: EXTENT OF POLITICAL STEREOTYPES INFLUENCE

Abstract. Analyzing the reasons of World War I historians traditionally concentrate their attention on the all-European geopolitical changes of the end of XIX – the beginnings of the XX centuries. They generated deep contradictions between Germany and France, on the one hand, and between England and France, on the other. The author of this article believes that political stereotypes of the tsar and government circles had essential impact on the accession of Russia to the French-English anti-German block.

Key words: political stereotypes, autocracy, great-power, national mentality, reasons of World War I.

Политические стереотипы представляют собой «стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса)» определенной социальной группы [8, с. 81]. Стереотипы – естественный необходимый компонент человеческой психики [10]. Однако эти аксиомы относятся к простым людям.

Стереотипы в политике – феномен чрезвычайно опасный, поскольку мешает пониманию нового. Многократно эта опасность возрастает в недемократических государствах, так как власть не допускает до обсуждения общегосударственных, национальных проблем политиков с иными взглядами.

Политическая система России начала XX в. была как раз недемократичной. Даже после принятия в 1906 г. Основных государственных законов

Российской империи влияние на определение внешнеполитического курса не только общества, но и правительства оставалось минимальным. Этот курс определяли царь, министерство иностранных дел и Генеральный штаб.

Николай II упрощенно воспринимал внешнеполитические проблемы России и мира. Возможно, это происходило потому, что интерес к внешней политике и понимание ее значимости для судьбы страны не были заложены в юности: отец не привлекал его к решению международных вопросов. Это серьезно беспокоило некоторых министров уже в первые годы царствования Николая II. Так, военный министр генерал П.С. Ванновский оценивал молодого государя как человека «воинственного и самонадеянного». (И это притом, что сам П.С. Ванновский был «обскурантом – своего рода «военным Победоносцевым», а по характеру – вторым Паскевичем») [9]. Его преемник генерал А.Н. Куропаткин в апреле 1901 г. с тревогой рассказывал С.Ю. Вите о своей встрече с царем, который собирался «взять для России Маньчжурию, идти к присоединению Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы» [1, с. 411].

На протяжении своего царствования Николай II ставил перед министерством иностранных дел задачи, расходящиеся с уже сложившимися общеевропейскими тенденциями. Например, хотя молодой государь знал об отношении своего венценосного отца к идее проведения конференции по разоружению (Александр III назвал ее «утопией») [12, с. 198], он настоял на проведении такой конференции

в Гааге в 1899 г. В результате один из организаторов конференции, член Совета Министерства иностранных дел России Ф.Ф. Мартенс так отозвался о поведении на ней французской делегации: «Они наши друзья и союзники, но не только не помогают нам, но, напротив, на каждом шагу пакостят, выступая против предложений России в военной и морской комиссиях» [12, с. 203]. Что уж говорить о позиции на конференции и отношении к ее решениям Англии и Германии.

Ключевыми чертами мировосприятия Николая II были великодержавие и иррациональная вера в самодержавие как наилучшую для России форму правления. Это проявлялось не только в настороженном и недоверчивом отношении к Государственной думе, но в отношении и к высшим государственным органам. Николай II заблокировал возможности подключения и Государственного Совета к обсуждению внешнеполитического курса правительства в целом [5, с. 9–10].

Этика правительственных кругов не позволяла членам правительства отстаивать свою точку зрения. Начальник канцелярии Министерства Императорского Двора, А.А. Мосолов писал, что Николай II не любил спорить. Как правило, он внимательно выслушивал министра «благодарил за сотрудничество, тем не менее, несколько часов спустя министр получал собственноручное письмо Его Величества, уведомляющее его об увольнении от должности» [11, с. 11–12]. В результате дебаты по вопросам внешнеполитических приоритетов не вели с царем даже министры иностранных дел.

В соответствии с бюрократической этикой министры, если они не собира-

лись уходить в отставку, фактически не могли иметь собственную точку зрения. Эту позицию исчерпывающе полно изложил министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф: «Одно из двух – или наш государь самодержавный, или не самодержавный. Я его считаю самодержавным, а потому полагаю, что моя обязанность заключается в том, чтобы сказать государю, что я о каждом предмете думаю, а затем, когда государь решит, я должен, безусловно, подчиниться и стараться, чтобы решение государя было выполнено» [4, с. 211].

При таких условиях в правительство могли попасть лишь те, кто разделял взгляды государя на место России в мире и ее политическую систему. Это приводило к тому, что даже министры иногда теряли чувство реальности. Так, на совещании 21 января 1908 г. под председательством П.А. Столыпина обсуждался вопрос: воевать или не воевать с Турцией. А.П. Извольский высказался за войну, обосновав свое предложение аргументом, будто отказом от войны Россия «рискует разом потерять плоды вековых усилий, утратить роль великой державы и занять положение государства второстепенного значения, голос которого не слышен» [6, с. 13]. О том, что Россия еще не начала военную реформу и что предложение может обернуться очередной военной катастрофой, всегда осторожный и опытный А.П. Извольский даже не заикнулся.

Великодержавие и монархизм, естественно, были присущи генералам и офицерам Генерального штаба. Как отмечает В.Л. Кожевин, «согласно традиционным психологическим установкам, император в принципе не мог быть таким человеком, кото-

рый вызывал хотя бы малейший намек на критическое отношение» [8, с. 50]. Великодержавное отношение к международным проблемам порождало возможность войны и внутреннюю готовность к ней.

Ключевой проблемой внешней политики России был правильный выбор союзников. Мы знаем, чем закончился этот выбор, но тогда, в начале XX в., все было не так однозначно. Между Германией и Россией действительно назрел большой комплекс экономических и внешнеполитических противоречий. Однако это были естественные противоречия мирного времени. С другой стороны, между Англией и Россией их оказалось гораздо больше. Причем Англия занимала недружественную позицию по отношению к России уже многие десятки лет. Тем не менее, союзником в будущей войне Россия выбрала Англию, а не Германию.

Что касается Германии, то в течение десятилетий она стремилась привлечь Россию в будущей войне с Францией на свою сторону. К 1908 г. эта задача стала восприниматься как явно невыполнимая, поэтому Германия сменила курс: теперь следовало спровоцировать еще не подготовленную Россию к войне. И был нанесен дипломатический удар в самое уязвимое для России место – Балканы.

Россия опекала этот регион в течение столетий. Сербия, Черногория, Румыния, Болгария, возникшие в результате победы русского оружия, в качестве наиболее предпочтительных ориентиров выбрали не Россию, а Западную Европу. И к началу XX в. панславянские настроения в правительстве были уже изжиты. Балканы интересовали царское правительство

уже не сами по себе, а как ключ к решению проблемы проливов.

В 1908–1909 гг. разразился Боснийский кризис¹. В ходе этого кризиса Россия получила пощечину. Россия свое обещание выполнила, а Австро-Венгрия – нет. Германия же не просто безоговорочно поддержала Австро-Венгрию, а фактически предъявила России ультиматум: признать аннексию Боснии и Герцеговины, отказаться от созыва международной конференции по Боснийскому вопросу и заставить Сербию принять изменившуюся ситуацию на Балканах.

Аннексия Боснии и Герцеговины не несла для России экономических издержек, никак не влияла на внутриполитические процессы. Но статус России как великой державы был поколеблен. В результате, если до кризиса Россия проводила политику балансирования между Берлином и Лондоном, то после кризиса отношение к Берлину резко ухудшились. А.П. Извольский подал в отставку. Новым министром иностранных стал сторонник укрепления Тройственного Соглашения, антигермански настроенный С.Д. Сазонов.

Новый министр оказался такой же великодержавник, как и прежний. Даже в 1927 г., когда было ясно, чем обернулась для России ее внешнеполитические принципы и приоритеты,

¹ В связи с намерением Австро-Венгрии осуществить аннексию Боснии и Герцеговины министр иностранных дел России А.П. Извольский полагал возможным договориться с Венским кабинетом о компенсациях для России: взамен признания оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрия должна была поддержать требование России открыть Черноморские проливы для прохода русских военных судов и предоставление территориальных компенсаций Сербии.

С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях рассматривал Балканский регион как российскую сферу влияния. Не изменились его взгляды на Первую мировую войну. По его мнению, изменение отношения к Балканам означало бы «уничтожением там нашего исторически сложившегося влияния, что было бы равносильно обречению России на жалкое существование, зависимое от произвола центральных империй» [13, с. 240].

Для решения своих геополитических задач Германии была нужна война с Россией. В правительстве Вильгельма II знали, как ее спровоцировать, и использовали убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в качестве предлога в полной мере.

Разумеется, в каждый данный момент в международных отношениях существовали определенные ситуации, игнорировать которые невозможно. Такая ситуация, блокирующая возможность выбора решений, сложилась и для царского правительства.

Как отмечал А.П. Извольский, Франция и Англия накануне войны забыли прежние ссоры, и между ними началась «...эра взаимного доверия и дружбы <...> Если бы, наоборот, Россия пренебрегла новейшими фактами развития международного положения и поддерживала бы враждебные отношения с Англией и Японией, она оказалась бы рано или поздно в ложном положении между своим союзником Францией и этими двумя державами <...> Если бы Россия повернулась спиной к Франции и Англии и пошла бы по пути завоевания гегемонии в Азии, она оказалась бы вынужденной отказаться не только от её исторической роли в Европе, но также и от своей

экономической и моральной независимости vis-a-vis с Германией» [7].

Царское правительство не питало иллюзий относительно конечных целей союзников. Но Франция и Англия стремились к военному союзу с Россией, и это открывало перед Россией возможность восстановить свои позиции на Балканах и укрепить положение великой державы.

Между тем, в обществе существовали иные взгляды на внешнеполитические приоритеты. В Государственном Совете наиболее авторитетным противником внешнеполитического курса страны был П.Н. Дурново. В феврале 1914 г. он представил Николаю II записку, где подчеркивал, что между Россией и Германией нет принципиальных территориальных разногласий. Германия являлась основным торговым партнером России: она экспортирует в Россию товаров почти столько, сколько все остальные государства Европы вместе взятые. П.Н. Дурново признавал, что некоторые торговые договоры с Германией России невыгодны, при заключении их Германия воспользовалась удачно сложившейся для нее обстановкой, но «заключение других договоров вовсе не требует предварительного разгрома Германии» [3, с. 192]. Относительно болезненного восприятия балканской проблемы П.Н. Дурново писал, что основной причиной сближения России с Англией являлось решение в пользу России ее вековых притязаний на контроль черноморских проливов. Но выхода в открытое море проливы не дают.

Более взвешенный подход, чем царское правительство, демонстрировали и кадеты. Выступая на заседании III Государственной думы при обсужде-

нии балканских проблем, П.Н. Милюков говорил, что балканские проблемы могут быть решены только с учетом взаимных интересов России и Австро-Венгрии, а не исключительно одной России [2, стб. 2685-2686].

У правительства и общества были разные взгляды на геополитические интересы страны. Внутренние потребности общества состояли в увеличении в стране всех видов свобод. Понимание этого витало в воздухе. В результате за март – апрель 1917 г. Временное правительство пошло по пути внутренних реформ, и лишь в апреле было обращено внимание на внешнюю политику.

Рассуждения о неизбежности вступления России в 1914 г. в войну оказываются еще более уязвимыми при сопоставлении с внешней политикой большевиков. В октябре 1917 г. в «Декрете о мире» они продемонстрировали принципиально иной подход к внешней политике.

Анализ внешнеполитических приоритетов царских сановников позволяет сделать следующие выводы:

1. Политика должна была быть сферой рационального сознания, но в начале XX в. самодержавные мировоззренческие стереотипы сделали ее иррациональной, упрощенной, не отвечающей сложившимся в Европе внешнеполитическим реалиям.

2. Политические стереотипы представителей власти являлись частью национальной ментальности. Великодержавниками были и консерваторы, и либералы, монархизм оставался духовной ценностью даже образованного общества. Однако с традициями, мешающими решению социально-экономических проблемы, а тем более по-

рождающими военные жертвы, правительству требовалось расстаться. Этого не произошло из-за низкого качественного состава царской бюрократии (который, в свою очередь, был вызван негибкой системой чиновничества, сословным цензом продвижения по службе, этикой отношений в правительственных кругах и т.д.).

3. Политические стереотипы носителей власти предопределялись местом, которое они занимали в политической системе. Возглавляя эту систему, Николай II и его окружение защищали интересы не общества, с его многообразными и сложными проблемами, а прежде всего интересы этой системы, политического режима.

4. К 1914 г. в основе внешней политики России лежали политические приоритеты, которые стремившаяся к войне Германия умело поставила под угрозу. В правительстве Вильгельма II знали как уязвить и спровоцировать Россию и использовали убийство эрцгерцога Франса Фердинанда в качестве предлога в полной мере. Это и переплетение международных противоречий действительно делало вступление самодержавной России в Первую мировую войну логичным и неизбежным. Но только России самодержавной. Свои политические стереотипы царский политический режим расценивал как национальные интересы. Эта трагическая ошибка означала, что самодержавная политическая система себя изжила.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Геллер М.Я. История Российской империи. В 2-х томах. Т. 2. М., Изд-во «МИК», 2002. 320 с.
2. Государственная дума. Созыв III. Стенографический отчет. Сессия II. Ч. 1. СПб., 1909.
3. Записка П.Н. Дурново со вступительной статьей Мих. Павловича // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.
4. Иванов И.С. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 18.02 2002. В 3 томах. Т. 3. ОЛМА Медиа Групп, 2002. 419 с.
5. Игнатъев А.В. Последний царь и внешняя политика // Вопросы истории. 2001. № 6. С. 3–24.
6. Извольский А.П. Воспоминания. М., Международные отношения, 1989. 192 с.
7. Извольский А.П. (министр иностранных дел России 1906–1910 гг.) [Электронный ресурс] // http://archive.mid.ru/bdomp/dip_vest. (дата обращения 25. 7. 2015).
8. Кожевин В.Л. Монархизм как компонент картины мира русского офицества в конце XIX – начале XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 3 (42). С. 49–53.
9. Керсновский А.А. История Русской армии. Т. 3. Белград, 1938. [Электронный ресурс] // <http://militera.lib.ru/h/kersnovsky1/12.html> (дата обращения 5. 8. 2015).
10. Макаренков Е.В., Карелина И.М., Герменевтика политических и военно-политических решений // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. 2013. № 4 (19). С. 54–60.
11. Мосолов А.А. При дворе последнего Российского императора: записки начальника канцелярии Министерства Императорского Двора. М.: Мир книги. 2008. 269 с.
12. Мультатули П.В. Внешняя политика Николая II (1894–1917). М.: Изд-во «ФИФ», 2012. 840 с.
13. Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. 398 с.